

Первая разведка

Автор: Евгений Сергеев

06.02.2015 22:20 - Обновлено 06.02.2015 22:39

Долгожданная попутная машина, на этот раз везла меня от границы в Луганск не так как в июне, - напрямую через Краснодон и Хрящеватое. За время моего отсутствия город оказался уже в плотном кольце блокады, поэтому машина долго и осторожно петляла и кралась вдоль несжатых полей пшеницы и кукурузы, полностью засыпав меня пылью сквозь опущенные стекла. День был солнечным и тихим, и уже клонился к вечеру, когда я наконец опять увидел его, - наш город Зеро, - героический Луганск.

Мертвая и изуродованная воронками и вывороченным щебнем широкая асфальтовая дорога, на которую мы выскочили, наконец, из своих полей, демонстрировала собой все «прелести» осады. Поражало полное отсутствие встречного и попутного движения, безлюдность города и отметины варварской бомбардировки. Разгромленные и сожженные знакомые и когда-то посещенные места. Вывороченные и посеченные силой огня деревья парков и столбы электрического освещения. Лишенные стекол окон, как бы ослепленные и изувеченные лица многоэтажек. Это был другой город. Я не узнал его.

Наконец моя поездка сквозь боевые порядки противника, напрягавшая меня моей безоружностью окончилась у крохотного БРДМа, являвшегося и стражем и визитной карточкой места базирования ГБР, - двух общежитий Университета имени Даля и университетской библиотеки.

Мне не передать этого чувства радостного озарения и узнавания и самого тебя и тебя как Человека в тот краткий и долгожданный миг, когда обреченные, но борющиеся за правое дело люди понимают, что ты вернулся и добровольно решил разделить с ними их горькую и краткую судьбу. Ради таких моментов только и стоит жить... Слова, при такой встрече не нужны и излишни.

Первым делом я отправился в свою комнату общежития, где мне преградила вход и облаяла огромная восточно-европейская овчарка, - спутница живших по соседству и ожидавших свободного и безопасного коридора для эвакуации беженцев, - пожилой супружеской пары. Овчарку оттащили, я затащил в комнату свой нехитрый походный солдатский скарб. Крокодила, моего соседа, на месте не было, и я, скинув запыленную форму, переоделся в чистый камуфляж.

Но день сюрпризов и приключений для меня на этом не закончился. Поначалу все

Первая разведка

Автор: Евгений Сергеев

06.02.2015 22:20 - Обновлено 06.02.2015 22:39

уклонялись от ответа на вопрос о моем, третьем взводе, пока, наконец, незнакомый мне ополченец, пряча глаза, не предложил мне представиться и доложить Санычу о моем прибытии, так как, мол, служить мне уже негде.. Тут я и выяснил, наконец, что весь мой третий взвод Шико расформирован, и я, образно говоря, остался безработным...

Представившись командиру отряда, я указал ему на факт своей бесприютности и попросился во взвод штурмовой разведки ДШРГ «Патриот», и неожиданно для себя получил на это разрешение. Знакомство с новыми сослуживцами и переезд в расположение «патриотов» заняли меня до самого построения. Ровно в 9 вечера я опять стоял на поверке в холле общежития. Под тусклым светом единственной лампочки, мигающей в зависимости от оборотов генератора, стояла едва ли третья часть того количества бойцов, к которому я привык в июле. Редкие ряды тех, кто отказался покинуть город.

На построении Бэтмен объявил, что большая часть ополченцев и часть руководства ЛНР три дня назад, позорно бежала и оставила свои позиции, когда украинцы выйдя к Новосветловке, отрезали Луганск от путей отступления в Россию. Теперь, оставшимся, оставалось только одно, - победить или погибнуть. Меня вооружили редким и почетным АК-47, дав, так же в нагрузку, СВД и РПК-74. Оружия, таким образом, у меня было даже слишком много. В связи с чем, перед каждым заданием я вынужден был выбирать тип вооружения, в зависимости от выполняемой задачи.

Первое боевое задание в новом подразделении я получил уже следующим утром, - разведывательный выход в район Большой Вергунки для взятия «языка» и определения позиций минометной батареи противника.

Загрузив боекомплект, продукты и воду в нашу белую «Газель», уже в 16.00 мы выдвинулись на фронт. Как оказалось, он проходил всего в 10 минутах езды от нашего расположения. Большая Вергунка, это типичный городской пригород, фактически, большая деревня, лабиринт частных домов, садов и виноградников.

Высидившись в трехстах метрах от линии боевого соприкосновения с противником, мы

медленно и осторожно идя вдоль улицы, вышли к фронту. Он представлял собой три мелких незамаскированных и незанятых индивидуальных окопа перекрывавших дорогу на одном краю улицы, и прикрывающий их танк Т-64, с красноречивой и безграмотной надписью «Буцифал» позади башни, на другой. Никаких других войск, сил или частей, в ближайшей округе не наблюдалось. Миновав окопчики, мы свернули в ворота частного дома и расположились в его дворе. Нашими соседями оказались пять ополченцев, которые обедали за низким садовым столиком. На костре кипел чайник. Пока Грин, заменявший в качестве командира группы Кабана, ушел с Седым на рекогносцировку, мы принялись помогать ополченцам истреблять их обеденные запасы. Здесь придется ненадолго отступить от своего повествования и рассказать о том, что происходило на этом участке фронта, когда здесь было остановлено наступление батальона «Айдар».

Известный в Луганске полевой командир с позывным «Хулиган» обратился в ГБР с просьбой оказать ему поддержку при проведении разведки в направлении села Тепленькое, - населенного пункта, как бы продолжающего Вергунку и выходящего, через Приветное, на города Счастье и Металлист, - уже взятые ВСУ и используемые как плацдармы для штурма и обстрела Луганска.

В качестве поддержки направили «патриотов», - двенадцать человек без тяжелого пехотного вооружения, - ребята взяли с собой только автоматы и два гранатомета «Муха» так как предполагались лишь разведывательные мероприятия, а не полномасштабные оборонительные действия. Однако, «патриоты» не учли одного обстоятельства: Хулиган был известен своим, мягко говоря, странным свойством всегда не оказываться на месте назначенной встречи, где в свою очередь, всегда оказывались крупные силы противника. Не стал исключением и этот случай. Прибыв на Вергунский разъезд, наша группа, неожиданно для себя оказалась на острие главного удара карателей на Луганск.

Оборону в этом районе занимала группа Мангуста (погибшего в этом бою) из батальона «Заря», - всего сорок человек. Никаких позиций, кроме тех трех окопчиков выкопанных нашей группой после описываемых событий, на линии фронта не было, - ополченцы, как люди не военные, бывшие шахтеры и рабочие, не считали нужным утруждать себя изнурительной и, как они считали, ненужной работой, а их командование не находило в себе ни сил ни желания настаивать на проведении фортификационных работ, либо разделяя их мнение, либо не относясь серьезно к возникшей опасности вражеского наступления. Естественно, что ни о каком минировании танкоопасных направлений, ни о какой карточке огня, многослойном, фланкирующем огне, запасных и отсечных позициях, наращивании огня из глубины или о резервах для контратаки, не могло быть и речи. Ополченцы, сугубо гражданские люди, обычно воспринимали информацию о таких жизненно необходимых вещах как о чем-то неслыханном и пустяковом. Не секрет, что в

ополчении в те дни нередко были ветераны, с изумлением и любопытством рассматривавшие окопную траншею как нечто невиданное и из ряда вон выходящее. Именно эта безграмотность и беспечность и стала причиной панического бегства людей Мангуста с линии фронта, когда под прикрытием ураганного огня артиллерии в наступление по дороге и по двум параллельным дорогам дворов жилой застройки пошли танки, бронетехника и пехота. Люди Мангуста оказались беззащитными перед этим комбинированным ударом. Остановив угрозой расстрела на месте, бегущих и потерявших своего командира ополченцев, «Патриоты» организовали из них два очага сопротивления слева и справа от дороги в прилегающих к дороге дворах и сообщили в штаб о начале полномасштабного наступления с просьбой о помощи и артиллерийском прикрытии.

Надо было продержаться до подхода подкреплений, так как это направление удара со стороны Большой Вергунки стало для всех неожиданностью. Наши ребята заставили людей Мангуста вернуться на свои позиции и забрать брошенных раненных и убитых.

Наибольшую опасность для обороняющихся представляла не бронетехника, - так как эффективность ее огня сильно снижалась плотностью застройки, а передвижение по дороге сковывал страх попасть на мины и фугасы (которых, естественно, не было), а плотные массы пехоты противника, обтекавшие очаги сопротивления через заборы, через окна и проломы домов с целью нашего окружения и разгрома. Подгоняемые в спину криками «Вперед, - сволочи», они буквально по трупам своих павших товарищей продолжали настойчиво, в полный рост продвигаться вперед, картинно, как киношные немцы, стреляя, не целясь, от бедра и все поливая огнем подствольных гранатометов. Однако, в современном огневом бою такие киноэффекты малопригодны.

Отступая по одному, под прикрытием огня автоматов, уже через пять дворов «патриоты» остановили наступление противника, ввиду его обескровленности. Решив подтянуть новые силы, каратели прекратили наступление и навели на сопротивляющихся артиллерию и бронетехнику, открыв ураганный огонь из гаубиц Д-30, 120 миллиметровых минометов, систем залпового огня «Град» и танков. Этим противник не добился ничего, кроме массового убийства многочисленного мирного населения, заживо погребая целые семьи под развалинами домов и подвалов.

Именно в этот момент, как казалось, в бою наступил перелом, - подоспел вызванный на помощь танк, - его появление сопровождалось эффектным взрывом и разлетом на составные части вражеской БМП, особенно изуверски поливавшей наши боевые порядки. Громогласное «Ура!» и бросок в наступление на опешивших айдаровцев вслед

за танком, казалось, приведет к рукопашной схватке и полной победе. Однако, проехав двадцать метров, танк неожиданно для всех дал задний ход и затем совсем покинул поле боя, больше на нем уже не показываясь. Следует сказать, что столь ожесточенное сопротивление с нашей стороны объяснялось необходимостью эвакуировать через заборы, крыши гаражей и палисадники многочисленных раненных батальона «Заря» для чего приходилось расчищать проходы и разбирать завалы. Ни одного раненного айдаровцам, мы тогда не оставили...

Теперь, после того, как наша контратака захлебнулась, плотность и сила огня противника достигла своего крещендо, напоминая всем известные кадры из фильма «Спасти рядового Райана». В этот момент, совершенно нетрезвые ополченцы на БТР, как в броне так и на броне, упрекая нас в трусости и обещая показать нам, как на самом деле надо воевать, на полной скорости помчались по дороге в сторону противника, скрывшись в пыли и дыме. И они показали нам... свою оторванную башню, прилетевшую к нашим ногам после прямого попадания танкового снаряда. Обратно, шатаясь, вернулись всего двое, покалеченных и протрезвевших ополченца с плачем прося помощи и спасения, чем еще больше увеличили нагрузку на обороняющихся. Ребятам пришлось тащить и их...

Уже виднелся спасительный коровник, за которым стояли машины, прибывшие за ранеными, когда противник решил любой ценой взять «патриотов» в клещи и уничтожить. Толпы нацгвардейцев буквально бежали на пули и выстрелы, забрызгивая отступавших своими мозгами и кровью. Казалось, что все кончено, но тут со стороны коровника по врагу открыл прикрывающий огонь отважный и инициативный осетин из своего РПК-74, единственный, пришедший к нам на помощь. Он буквально положил две последние цепи украинцев и не давал поднять голову остальным укропам, концентрировавшимся за гофрированным забором. Надо сказать, что в отличие от айдаровцев мы были вооружены АК-47, с его калибром 7,62, и это позволило «патриотам», не опасаясь рикошетов, просто смести гофру забора, за которым скрывались последние преследователи и положить за ним не менее взвода противника.

Наконец фашисты выдохлись и были остановлены. Раненные были эвакуированы, и, как всегда вовремя, прилетели наши родные «Грады» и, как всегда, по нам... Этот бой стоил нам четверых убитых и двенадцать раненных бойцов. Убитые же айдаровцы были вывезены с поля боя тремя переполненными «Уралами». Таким образом, здесь был остановлен неожиданный для Луганска удар ВСУ по городу, были подтянуты свежие силы, артиллерия, танки, и линия фронта стабилизировалась. Теперь же командованию потребовались разведсведения о вергунской группировке противника и мы снова прибыли в знакомые для «патриотов» места.

Я заметил, что отсутствие на фронте пагубно отразилось на моей реакции на артобстрел, - первые мины и снаряды, которые стрекоча проносились над нами, поначалу заставляли меня панически бросаться на землю, однако спустя полчаса, бывшая привычка и сдержанность снова взяли вверх, и ухо привычно уже определяло, стоит ли уходить в укрытие от снарядов, или нет.

Столик и костер ополченцев находились прямо перед входом в темный провал погреба, -низкого купола, обложенного покрытым сизым мхом дикого местного камня.

Неожиданно, левее, со стороны укропов резко заработали крупнокалиберные пулеметы и хлопки минометных выстрелов. Нарастающий свист заставил весь двор зашевелиться, и все по узким каменным ступеням кинулись в погреб. Убежище, - освещенная тусклой стеариновой свечей, низкая сырая тесная комната со стеллажами банок солений и компотов, заполнилось людьми, пылью от взрывов и табачным дымом.

Чувство безопасности развязало языки, и пошлые анекдоты, прерываемые раскатами хохота, стали чередоваться с анализом политической обстановки и банками вскрытого компота. Все ополченцы были людьми местными и пожилыми. Разношерстно одетые и вооруженные, они не сомневались в нашей победе и не выражали ни малейшей тени страха или неуверенности. Их язык, манера поведения и общения друг с другом выдавали в них представителей рабочего класса, - основную опору Новороссийской революции. Я, наконец-то снова оказался среди своего народа в час борьбы и испытания, впитывая в себя все его грубое и все же родное содержание.

Спустя два часа огневой налет, закончился, так и не продолжившись атакой или наступлением. Уже темнело, когда мы покинули подвал и снова оказались во дворе. Особых разрушений мы не заметили, правда все пространство у столика было засыпано снарядными осколками, а одна из мин, так и не взорвавшись, пробила крышу низкого, на уровне груди сарайчика, пристроенного справа от входа в наше убежище.

Наконец поступил приказ выдвигаться, и вытянувшись «змейкой» мы медленно пошли за головным дозором. Петляя по тропинкам, переходя из одного сада в другой, мимо домов и строений, через полчаса мы подошли к большому трехэтажному дому, где нас ждал проводник, - ополченец «Колдун», сидевший на стуле со стаканом чего-то молочного. Он

Первая разведка

Автор: Евгений Сергеев

06.02.2015 22:20 - Обновлено 06.02.2015 22:39

и правда был похож на колдуна... Далеко за пятьдесят. Седая окладистая борода и надвинутый капюшон масхалата разведчика на бритой сухой голове. Он сразу же встретил нашу группу вопросом, зачем наш пулеметчик Хамза носит еще с собой и автомат?

- В целях самообороны, - ответил Хамза.

- Ты или пулеметчик, или автоматчик. Среднего не бывает, - категорично отрезал Колдун. Он отдал свой стакан вышедшей из дома молодой женщине и перекинув через плечо АКС быстро зашагал впереди нашей колонны.

Мы очень долго шли по улицам Вергунки, смещаясь на левый фланг обороны. Мертвое, разгромленное село оставляло на душе тягостное впечатление. Все улицы были засыпаны черепицей, шифером, битым стеклом и ошметками оплавленного кирпича, - белого и красного. Ни единого звука человеческого жилья мы не слышали, ни лая собак, ни человеческих голосов, ни музыки. Только постоянно усиливающаяся пальба, шелест пронесившихся снарядов и резкие всплески разрывов.

Скоро мы подошли к большому двухэтажному недостроенному дому. Со стороны улицы, на уровне земли в его стене зиял большой проем, куда и нырнул Колдун. Мы последовали за ним. Там, в подвале сидели на корточках и лежали на матрацах человек десять одетых в гражданское, ополченцев. Это оказался наш блокпост, - крайний на левом фланге обороны. Левее и за ним уже была нейтральная полоса и укропы.

Блокпост и его гарнизон опять вызвали у меня чувство досады своей небоеспособностью и неорганизованностью. Гарнизон, одетый в спортивные костюмы, скорее напоминал банду вооруженных гопников. Из противотанкового оружия у них были только два РПГ-7, то есть, фактически ничего. Никаких путей отхода, оборудованных огневых точек, траншей и окопов не было и в помине. Две бойницы, пробитые в стене подвала и наблюдательный пост на чердаке, - вот и все инженерное оборудование «блокпоста». Противнику было достаточно одного БТРа чтобы подавить эту «крепость» и выйти нам в тыл.

Колдун, как проводник, объявил о нашем выходе ровно в 22.00. Следовательно, у меня

Первая разведка

Автор: Евгений Сергеев

06.02.2015 22:20 - Обновлено 06.02.2015 22:39

было два часа отдохнуть и выспаться, что и не преминул сделать, поднявшись к наблюдателям на чердак и устроившись на голой панцирной сетке железной кровати. Наблюдатели, эти глаза и уши обороны, - два молодых парня из группы «Лиса», занимались чем угодно, но только не наблюдением. Проще говоря, они спали.

Через полтора часа меня разбудил Бритва, и я спустился в подвал. Разведчики выбрались из подвала и сгрудились у той самой щели, через которую мы попали на блокпост. Было принято решение, что в первой группе пойдут Шатал, Колдун и Клен вооруженные приборами бесшумной стрельбы на автоматах и пистолетах. Следом за ними, метрах в ста пойдет группа гранатометчиков, - Грин, Дедяй и Седой, В основную группу, группу прикрытия, на которую в случае боя и преследования будут отходить две первые группы, входили четыре пулеметчика, Хамза, Бритва, Тихий и я. Журавель оставался на блокпосту и держал с нами связь, чтобы предупредить гарнизон «крепости» о нашем выходе в целях опасения открытия по нам «дружественного огня».

Чем ближе подходило время выхода, тем более возбужденными становились разведчики и тем больше они курили. Колдун, рассказывал о своем опыте разведчика в Таджикистане, как оказалось, он был профессиональным разведчиком-офицером и прошел всю Афганскую войну, Таджикистан и Первую Чеченскую. Видно было, как предстоящее задание возбуждало его, распяляло, заставляло учащеннее биться его сердце. На предложение Хамзы идти уже сейчас, он ответил отказом, и было видно, что для него точность времени выхода была связана с чем-то религиозным, с какой-то приметой. Наконец время настало и все мы, провожаемые сочувственными взглядами гарнизона, темной лентой выдвинулись в сторону противника по проселочной дороге, уходившей в занятые укропами поля.

Не передать мне того чувства, чувства охватившей меня гордости и осмысленной полноты бытия и оправданности собственного существования, когда я, с пулеметом наперевес, освещаемый голубыми вспышками далеких разрывов «Града» медленным шагом пошел навстречу с врагом. Все дискуссии и с ним и с самим собой были закончены. Оставалась лишь великая честь участия в борьбе за жизнь, свободу и независимость русского народа. Честь, выпадающая далеко не всем людям и не всем поколениям. Мы растворились во тьме.

Через сто метров мы оказались на перекрестке. Здесь к дороге, слева, из посадки примыкала еще одна дорога, шедшая параллельно нашей линии обороны и именно она и нужна была нам. Так как вела в тыл и фланг украинских позиций. Мы свернули в лес. Еще через сто метров наша группа прикрытия заняла круговую оборону и стала ждать

Первая разведка

Автор: Евгений Сергеев

06.02.2015 22:20 - Обновлено 06.02.2015 22:39

возвращения группы поиска и гранатометчиков. Я лег в высокую траву и раскрыл сошки пулемета и взял на прицел дорогу, по которой ожидалось отступление первых двух групп. Справа от себя положил РПГ-26 и четыре «лимонки». Хамза расположился в двадцати метрах левее меня. Бритва и Тихий остались на перекрестке, прикрывая наш тыл и наш отход.

Все небо за, и перед нами было освящено непрерывными голубоватыми вспышками работавшей артиллерии противника. Его черноту постоянно пересекали летящие снаряды, - то одиночные, то ромбы и квадраты, - повторяя в небе расположение орудий стрелявших батарей, то словно нанизанные на одну нить жемчужины ракет систем залпового огня. Вся эта иллюминация разряжалась позади нас в жилых кварталах Луганска непрерывной дробью какого-то сатанинского барабана, монотонно, час за часом, настойчиво и систематически. Время от времени, примерно каждые полчаса, противник прочесывал и ближайšie к нам, неведомые нам цели. Сначала, левее себя мы слышали четыре глухих хлопка, после чего, через пару секунд воздух наполнялся пронзительным воем и где-то позади нас разряжался четверкой лязгающих разрывов. Именно лязгающих, как будто кто-то скинул с большой высоты шкаф или буфет, наполненный металлическими вилками, ложками и ножами. Над головой то и дело проносились причесывающие ветки деревьев, гудящие и жужжащие осколки, падая на землю с глухим звуком тупого удара о землю. Прошло два часа. Я начал замерзать. Но не от земли, - земля как раз была горячей (именно горячей) и не остывшей еще от дневного тепла, а от похолодевшего ночного воздуха. Хотелось спать и курить. Тут со стороны ушедших групп я услышал осторожное потрескивание веток. Было непонятно, идет ли это человек или просто шумит ветер. Через пять минут я решил, что это просто ветер. Однако я ошибся. Это возвращалась наша группа, идя по лесу «шагом разведчика», в эффективности которого я убедился сам, - так и не поняв, по неопытности, что это шла по лесу целая группа вооруженных людей. Группы пришли без Колдуна и Клена, - которые вернулись на наши позиции другой дорогой.

Языка им взять не удалось, так как их цель, - передовой артиллерийский пост наблюдения, прикрывался с сегодняшней ночи боевой машиной пехоты противника, расположившейся в соседнем от поста дворе. Укропы вели себя достаточно неосторожно, и выдали местоположение коробочки, включив во дворе свет. Как оказалось, это была дежурная машина и она то и дело появлялась в районе блокпоста, как раз на дороге, на которой мы заняли круговую оборону. Если попытаться взять врасплох артиллерийский пост, то это означает иметь при отходе дело с БМП. Если же уничтожить сначала БМП, то, ни о каком успешном штурме подготовившегося к сопротивлению и вызвавшего подмогу поста не может идти и речи. Седой хотел, на худой конец сжечь БМП из гранатомета, но это означало срыв задания и демаскировку группы. А ведь у нас еще было задание определить координаты минометной батареи, той самой, которая стреляла левее нас своими лязгающими снарядами.

Связавшись по радию и предупредив, что это они, Грин приказал группе прикрытия возвращаться на перекресток и уже там ожидать их возвращения. Сами они снова скрылись в лесу. Самое трудное в напряженном ночном ожидании, это не заснуть за пулеметом. Хотя раз десять я все же засыпал с открытыми глазами, на несколько секунд теряя над собой контроль. Но потом снова брал себя в руки. Время шло, мы все напряженно вслушивались, ожидая или звуков перестрелки, или шума подъезжающей техники, чьи свежие гусеничные следы мы воочию видели на влажном черноземе дороги.

Наконец рация прокрякала о возвращении. Из темноты вышли наши ребята, и направились к блокпосту. Мы последовали за ними. Я шел последним. Собравшись у лаза в подвал блокпоста все облегченно и с удовольствием курили. Тут я заметил, что обронил в темноте рацию. Мне пришлось возвращаться на перекресток с Тихим и еще минут пять искать ее в густой траве. При возвращении обратно на блокпост мы услышали и увидели пулеметную трассу со стороны блок поста и рухнув на землю, стали кричать в рацию, чтобы по нам не стреляли, что мы свои. Нам со смехом приказали продолжать движение. Как оказалось, Хамза, не поставив пулемет на предохранитель, произвел три случайных выстрела себе под ноги, и пули, рикошетом от бетона полетели в нашу с Тихим сторону.

Ребята все ругали и возмущались Колдуном. Он и его группа, в самом начале движения бросили гранатометчиков, нагруженных оружием и боекомплект, и уйдя вперед налегке, так и не позаботилась о связи с ними. Кроме того, Шатал рассказал о его манере проводить разведку, - пройдя десять метров Колдун залегал в траву и лежал не менее полчаса без движения, - так сказать «слушал» противника. Потом снова пройдя 10 метров, он снова ложился в траву и снова лежал полчаса. Такой способ разведки, несмотря на саморекламу Колдуна, как профессионального разведчика, вызывал сомнение и вопросы. За ночь, таким образом, можно было пройти не более чем на 100 метров в глубину обороны противника, а это было неприемлемо.

Установив координаты батареи противника, - она располагалась на сельском кладбище, все сосредоточились на задаче по уничтожению БМП. Было принято решение, воспользовавшись миной ТМ-72, заминировать проселочную дорогу, закопав ее прямо под следом ее гусениц, который мы видели в лесу. Мин у нас не было, потому решили попросить парочку штук в «Заре», в тогдашнем арсенале Сопротивления. Отдохнув минут двадцать, попрощавшись с гарнизоном, почти в предрассветных сумерках мы долго возвращались к своей машине по разгромленной и опустошенной Вергунке, под гул фронта и треск крупнокалиберных пулеметов.

Первая разведка

Автор: Евгений Сергеев

06.02.2015 22:20 - Обновлено 06.02.2015 22:39

Обратная поездка по ночному горящему городу еще более погрузила меня в сюрреалистический мир городской современной войны. Абсолютная тьма мертвых улиц и кварталы многоэтажек без единого проблеска света оставляли на душе тревожное чувство нереальности происходящего. Казалось, что ты очутился в ночном кошмаре или заблудился в декорациях голливудского фильма про очередной зомбилэнд, с его мертвыми городами и материальными осколками когда-то цветущей цивилизации. Навстречу попадались только одинокие машины ополчения, которые мы узнавали по включенному аварийному свету. Мы подъехали к воротам нашего расположения. Оно показалось мне феодальным, оштетинившимся средневековым замком, - мрачным, но безопасным пристанищем для своих рыцарей среди всеобщего хаоса войны. Здесь нас ждали наши темные освященные свечами комнаты, горячий чай и мгновенный сон.

В минах на «Заре» нам отказали, под смехотворным предлогом «отсутствия ключа» для взвода взрывателя. «Саперы» в батальоне «Заря» не знали, что для взвода ТМ-72 никакой ключ не нужен. Он нужен для снятия со взвода.... Но таков был тогда уровень ополченцев.

И такова была моя первая разведка...

<https://vk.com/id156206595>